

ЛИНГВИСТИКА

Я - ФИЗИЧЕСКОЕ В ЗЕРКАЛЕ ПЕРСУАЗИВНОСТИ

С.П. ЛАМБАРДЖЯН
ЕГУ

Одним из самых перспективных и динамично развивающихся направлений антропо-центрической научной парадигмы является лингвокультурология. “Лингвокультурология – это отрасль лингвистики, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке” (Маслова, 2004: 8-9).

Сквозной идеей антропо-центрической научной парадигмы является **языковая личность**, произошло “<...> переключение интересов исследователя с объектов познания на субъекта, то есть анализируется человек в языке и язык в человеке. <...>” (Маслова, 2004: 6).

“Языковая личность – есть личность, отраженная в языке, <...> личность, реконструированная в своих основных чертах на базе языковых средств” (СЭС, под ред. Н.М.Кожинной, 2004: 660).

“Проблема «язык и человек» всегда была в центре внимания науки о человеке и выделяется своим многоаспектным характером” (Шелякин, 2005: 13).

В лингвистической литературе проблема соотношений “язык – человек” представлена ши-

роко, но и приведенных цитат достаточно, чтобы убедиться в мысли, что **Я-субъект** – это центральная фигура антропоцентрической парадигмы. Это, естественно, предполагает исследование основных характеристик языковой личности. Но несмотря на весьма часто звучащие призывы о необходимости антропоцентрических исследований и, в первую очередь, соотношения “язык – человек”, по сей день не наблюдается высокой активности в этом направлении. Это, в частности, касается анализа лингвокультурологического потенциала языковых категорий и, в первую очередь, тех, которые прямо связаны с языковой личностью, являются основными манифестантами **Я-Эго** в языке, а именно: модусных (субъективных) категорий. На необходимость тщательного анализа данных категорий указывал еще в начале XX века Ш.Балли (Балли, 1955). Эту мысль подхватили многие ученые, сделавшие существенные шаги в данном направлении: Э.Бенвенист, Сепир, Уорф, В.В. Виноградов, Г.А. Золотова, Т.Б. Алисова, И.А.Филипповская, В.А. Белошапкова, Т.В. Шмелева и др.

Необходимость исследований субъективных категорий под-

черкивается и в Программах МГУ: “Русский язык и его история” (Программы, 1997): “Современная лингвистика ставит в центр языковых исследований фигуру человека – как лица говорящего и главного действующего лица в мире, о котором говорит...” (Программы, 1997: 57).

А так как главные манифестанты говорящего, реализующие все его психопрагматические намерения в коммуникации – это модусные регистры, то, естественно, вектор антропоцентрических (и, соответственно, лингвокультурологических) исследований должен быть направлен в сторону субъективного блока смыслов.

Цель предлагаемого вниманию исследования – освещение некоторых (из многочисленных) соотношений “язык и человек” на основе модусной категории **персуазивности**.

Под персуазивностью в современной русистике понимают субъективные значения, отражающие степень уверенности говорящего в достоверности информации (Белашапкина В.А., 1981; Шмелева Т.В., 1979 и др.). Персуазивность формируют две семантические области – **уверенности** и **неуверенности**, каждая из которых имеет сложную смысловую структуру, включает в свой состав целый ряд значений (Ламбарджян 1981).

Взаимоотношения “**персуазивность** – **Я-Эго**” столь многогранны, что объять их в пределах одной статьи невозможно. Поэтому в исследовании будет рассмотрена одна проблема: *как отражается **Я-физическое** модусной категорией персуазивности.*

Отметим, что данное направление поисков диктуется ведущими тенденциями в лингвокультурологии: “<...> формирование антропоцентрической парадигмы привело к развороту лингвистической проблематики в сторону человека и его места в культуре, ибо в центре внимания культуры и культурной традиции стоит языковая личность во всем ее многообразии: **Я-физическое, Я-социальное, Я-интеллектуальное, Я-эмоциональное, Я-речемыслительное**” (Маслова, 2004: 7).

Многолетние наблюдения над категорией персуазивности убеждают в мысли, что это одна из стержневых категорий в формировании и реализации всех “**Я**”. Анализ начинаем с **Я-физического**, отметив при этом, что материалом послужили, в первую очередь, стилистические ресурсы языка, в которых, как известно, в концентрированном виде отражены специфические особенности этномышления и, соответственно, языковой картины мира. Подчеркнем следующее: ясно осознавая, что реализация любого персуазивного значения – это неразложимый сплав физического, психического, эмоционального, речемыслительного прагматического ..., в работе искусственно выделяем **Я-физическое**, чтобы обратить внимание, в первую очередь, на его специфические проявления; но дальнейший анализ подтвердит мысль, что в интерпретации любого “**Яг**” невозможно обойтись без остальных граней. Итак:

Я-физическое в персуазивном отражении

В формировании и реализации персуазивных смысловых

структур может участвовать все физическое тело человека или его части. Например, *С головы до пят уверен* (все тело) и *Даю голову на отсечение* (часть тела), причем персуазивов последнего типа несравненно больше, чем тех, где представлено **Я-физическое** в целом. Части тела и органы тоже представлены *не в одинаковой степени*. Анализ выявил следующее: самой персуазивно богатой частью тела является голова. И это естественно: именно входящие в нее органы обеспечивают психическую, интеллектуальную, эмоциональную, психическую, речемыслительную деятельность **Я-субъекта**. А оценка информации с точки зрения степени ее достоверности относится к выше указанным областям деятельности **Я-Эго**, причем является одним из самых сложных видов деятельности.

Итак, *голова* как персуазивная часть тела. Она представлена и как часть тела, и как вместище “персуазивных” органов.

Часть тела представлена такими стилистическими ресурсами, как: а) *С головы до пят уверен*, б) *Даю голову на отсечение*, в) *Не сносите мне головы*, г) *Голова кругом идет*, д) *Потерять голову*, е) *Не морочь мне голову* и под. У этих персуазивов разная психопрагматика, эмоциональный фон и многое другое, но их объединяет то, что в их состав входит компонент *голова*.

На основе выражаемого значения из областей уверенности /неуверенности их можно сгруппировать следующим образом: а) *Уверен с головы до пят*, б) *Даю голову на отсечение*, в) *Не сно-*

сите мне головы (субъективная уверенность), г) *Голова идет кругом*, д) *Потерять голову* (значения из семантической области неуверенности).

На основе прагматики все приведенные персуазивы, кроме *Не морочь мне голову*, могут быть реализованы и инициатором, и реципиентом в коммуникативном акте; что касается последнего, то это может быть исключительно реакцией адресата на полученную информацию.

Данные средства можно классифицировать и на основе первичности/вторичности персуазивной функции. Так, у примеров а), б), в) *первичная функция* персуазивная; у примеров же г), д) – *вторичная*, потому что их первичные реализации можно семантизировать как: *‘Голова кружится, чувствую себя плохо’* / *‘Так много проблем, что не знаю как быть’* (пример г), *от любви /от проблем/ потерял ориентир, стал неадекватен’*. Персуазивное понимание этих выражений можно представить следующим образом: *‘Не уверен, все неопределенно, неустойчиво’*.

Что касается семантизации примеров-персуазивов а), б), то они отражают сложную персуазивную ситуацию. Говорящий не является носителем достоверной информации, но субъективно абсолютно уверен, что его представления соответствуют реальному положению дел. Данное значение можно представить как: *‘Хотя не обладаю достоверной информацией, но субъективно абсолютно уверен, что мои представления об оцениваемом явлении соответствуют действительности’*. И по-

этому **Я-субъект** уверен всем своим **Я-физическим** (с головы до пят) и даже не боится лишиться жизни (дает голову на отсечение).

Несколько иное прочтение имеет выражение: *Не сносить мне головы, если не так* и синонимичное *“клянусь головой”*. Эти высказывания (клятвы) обладают большой иллюкативной силой, с их помощью говорящий совершает коммуникативную агрессию, цель которой – заставить партнера коммуникации принять его точку зрения, его видение ситуации: *‘И не сомневаюсь, что информация достоверна, и тебя призываю не сомневаться’*. Отметим, что эти персуазивы-клятвы могут быть реализованы и в случае действительно достоверного знания.

О субъективности реализованного персуазивного значения свидетельствуют многие контексты, аннулирующие “абсолютную уверенность” говорящего.

Рассмотрим примеры:

а) [Разговор между олигархом и его адвокатом, отправленным на поиски клада в особняке Крижевских]: *“А вы даете голову на отсечение, что клад находится в подвале особняка Крижевских?”*

– *Голову на отсечение не дал бы, а вот руку дам, что клад в подвале особняка. Я это каждой клеточкой чувствую”* (т/с “Ангел-хранитель”).

б) *“Не беда, что не расскажет один, выболтает другой – голову даю на отсечение, сегодня вечером выведаю все у старосты.*

Но тут тайный советник ошибся, староста молчал так же упорно, как лесничий, и это

удивило господина фон Тешова” (Г.Фаллада. Волк среди волков).

в) *Голову даю на отсечение, что мой личный секретарь стучит на меня”* (В.Суворов. Освободитель).

Все эти контексты ярко демонстрируют субъективность персуазивной позиции говорящего. Интересно и то, что здесь представлена и градация органов по степени персуазивной важности, и эта градация обусловлена степенью уверенности **Я-субъекта**: если эта уверенность близка к ста процентам, то он использует компонент **голова**; если же степень уверенности ниже, то он использует компонент **рука**. И здесь отражена одна из ярких особенностей русской языковой картины мира: **голова** жизненно важный орган, и ее отсечение приводит к летальному исходу. Поэтому можно предложить **руку на отсечение** при низкой степени субъективной уверенности.

Обратимся и к семантизации персуазивного выражения *“Не морочь мне голову”*: *“Я абсолютно уверен в достоверности моих представлений о явлении; предлагаемая, навязываемая версия не соответствует реальному положению дел”*.

К персуазивам можно отнести и выражение: *“вбить себе в голову”*. Оно также отражает наблюдение и оценку персуазивной позиции **Я-Эго** другим субъектом. При этом наблюдатель уверен, что **Я-Эго** придерживается абсолютно недостоверной картины мира, а при этом не желает отказываться от нее, упорствуя в своей позиции: *Я абсолютно уверен в*

недостовойрной картине мира и не желаю отказываться от нее'.

Как видим, *голова* – весьма активная персуазивная часть тела. Причем, в основном персуазивы с этим компонентом реализуют сложные смысловые комплексы, относящиеся к семантической области неуверенности.

Органы головы – персуазивы.

Персуазивна не только (и не столько) *голова*, но и многие части и органы, формирующие ее, причем, находящиеся как вне, так и внутри ее. Внешние – это, в первую очередь, части и органы лица: *глаза, нос, брови, лоб, губы, челюсть, “обрамляющие” лицо уши*. Все они в разной степени участвуют в реализации персуазивных смысловых комплексов.

Центральным “персуазивным органом” лица являются *глаза* – основной канал восприятия действительности. Зрительное восприятие – объект пристального внимания целого ряда наук, философии и лингвистики, в том числе.

Как считают философы, зрительный канал – основной канал восприятия; отражение объективной действительности опирается, в первую очередь, на него (Философия 1999, 459).

И поэтому глаза играют важнейшую роль в отражении объективной действительности, и, соответственно, в персуазивных начинаниях *Я-субъекта*.

И русский язык четко подтверждает эту мысль: здесь большое количество стилистических ресурсов-персуазивов с компонентом *глаз* или его имплицитной представленностью.

Они реализуют сложные персуазивные смысловые комплексы, отражая при этом разнообразные прагматические намерения *Я-субъекта*. Все средства с компонентом *глаз* обладают мощным психопрагматическим потенциалом, помогающим говорящему реализовать свои коммуникативные намерения.

Рассмотрим некоторые (из многочисленных) средства передачи персуазивных смысловых комплексов с элементом *глаз*. Подчеркнем, что эти средства функционируют в основном в рамках языковых картин *повседневного дискурса*, основанного на “здравом смысле”. И именно с позиций “здорового смысла” *зрительное восприятие* – важнейший аргумент в пользу уверенности. Заметим, что уверенность – хрупкий, нестабильный член оппозиции *уверенность /неуверенность*. Она требует убедительных аргументов в свою пользу, иначе разрушается и “впадает” в неуверенность (См.: Ламбарджян 2011: 96-97).

Для *Я-субъекта* “*Видел собственными глазами*” – самый веский аргумент в пользу достоверности. Приведем примеры:

а) “*Несомненно, увидеть – значит поверить*” (М.Твен. На легке).

б) – *Известие вполне достоверно, Бетти? – спрашивает фрау Пагель.*

– *Известие? <...> Конечно, достоверно... Этот милый юноша, Эйтель Фриц, заходил туда по делу. Он читал своими глазами <...>извещение”* (Г.Фаллада. Волк среди волков).

Немало фразеологизмов, паремий, отражающих данное положение дел.

а) *Верю/ верь только тому, что вижу/видишь своими глазами.*

б) *Не верю/ не верь брату родному, а верю/верь своему глазу кривому.*

в) *Не верь ушам, а верь глазам* и под.

Все примеры четко отражают позицию **Я-субъекта**: отдавать предпочтение **своему глазу**, собственному зрительному восприятию, чтобы быть уверенным в достоверности положения дел. На второй план отодвигаются самые близкие родственные узы (*брат родной*), а также другие каналы восприятия (слуховой, например, *уши*).

Не случайно, что и в юриспруденции принято опираться на показания *очевидцев, свидетелей*, как на самые достоверные. Об этом свидетельствует и прозрачная внутренняя форма этих слов: *очевидец* – тот, кто видел своими очами; *свидетель* – тот, кто видел (естественно, своими глазами).

Приведем примеры из повседневного дискурса: а) [Объяснение между любящими друг друга молодыми людьми].

– *“Либертад, ты ошибаешься, это совсем не то, что ты думаешь.*

– *Знаешь что, Лучо, у меня два глаза, и оба хорошо работают”* (Т/с. “Раба любви”).

Это насыщенная проективная (переносная) персуазивная информация, которая семантизируется как: *‘Меня не переубедить: видела все своими глазами’.*

б) – *“Игорь изменяет мне.*

– *А почему ты так уверена в этом?*

– *Видела все своими глазами, как тебя сейчас”* (Т/с. “Татьянин день”).

в) – *Вчера ночью я спустился в подвал.*

– *Зачем?*

– *Чтобы преодолеть страхи.*

– *И что?*

– *Не выдержал. Убежал. Там живут привидения.*

– *Да ну?*

– *Ну да! Не верите?*

– *Поверю, если увижу своими собственными глазами* (Т/с. “Ангел-хранитель”).

В русском языке, есть целый ряд стилистических ресурсов, реализующих сложные проективные смысловые структуры, отражающие психопрагматические намерения коммуникантов и эмоционально-экспрессивный фон коммуникации. Рассмотрим некоторые из них: *Открой глаза! Открылись глаза; Ходишь с повязкой на глазах; С глаз спала пелена/ завеса* и т.д. Начнем рассмотрение с пары *Открой глаза! Открылись глаза.* При всей схожести они отражают разные психопрагматические и языковые картины. *Открой глаза!* являет собой следующую психопрагматическую персуазивную ситуацию: *‘Я, говорящий, обладаю достоверной информацией, а ты, адресат, являешься носителем абсолютно искаженных представлений об оцениваемой ситуации; призываю принять достоверную картину мира’.* Персуазивным синонимом данного выражения представляется: *Посмотри правде в глаза! И все же в этих выражениях есть и семантические различия, несовпадения: здесь, в Посмотри*

правде в глаза! говорящий абсолютно уверен, что партнер коммуникации знает реальное положение дел, и смысловая структура будет выглядеть как: ‘Ты предпочитаешь придерживаться искаженных представлений об оцениваемом явлении, хотя знаешь реальное положение дел; Призываю обратиться к нему’.

Иная психопрагматика у персуазива Открылись глаза. Здесь Я-субъект передает персуазивные трансформации, которые произошли в его сознании: ‘Я, говорящий, придерживался абсолютно искаженных представлений об оцениваемом положении дел; а теперь я стал обладателем достоверного знания’.

Данный персуазив (и подобные) требует двух фаз “в развитии сюжета” с обязательной трансформацией взглядов, переходом к реальной картине мира.

Синонимичны (на основе персуазивности) данной паре выражения Ходишь с повязкой на глазах и С глаз спала пелена, где а) звучит призыв отказаться от недостоверной картины мира; б) отклик на призыв, отказ от искаженных представлений и принятие достоверного знания.

От рассмотренных выражений следует отличать персуазив Хожу с повязкой на глазах. Оппозиция прошедшее/ настоящее время (ходил/ хожу) судьбоносна для реализуемого смыслового комплекса. *Хожу с повязкой на глазах* не отражает двухфазности, перехода от одной картины мира к другой. Данный персуазив интересен своей нестандартной психопрагматикой: говорящий открыто признает, что прекрасно осведом-

лен в искаженности своих представлений о ситуации и тем не менее предпочитает придерживаться именно данных представлений, не хочет отказаться от заблуждений.

Интересно и выражение: *Смотришь на мир сквозь розовые очки*; которое можно интерпретировать как ‘Я, говорящий, обладаю достоверным знанием, а ты, адресат, находишься в рамках образов недостоверной картины мира’. В данном персуазиве есть также информация о том, что искажение направлено вектором в сторону положительных представлений: адресат видит все в оптимистичном свете. Выражение интересно и тем, что, хотя и орган зрения представлен имплицитно, но средство, призванное улучшить работу глаза (очки), здесь, наоборот, искажает действительность.

Все приведенные персуазивы повышают эмоционально-экспрессивный фон коммуникации.

Имплицитно представлен орган зрения (глаз) и в выражении Как в воду глядел. Оно имеет разные “прочтения”, которые обусловлены влиянием такого модусного компонента, как персонализация (оппозиция я – не я). Рассмотрим оба варианта: 1) ситуацию оценивает сам Я-субъект. В первой фазе он строит предположение, во второй фазе становится очевидцем предположенного им положения дел;

2) Я-субъект дает персуазивную оценку поведению не-я (передающему информацию и отвергнутому партнером коммуникации). В первой фазе не-Я, обладатель достоверной информации, расписывает в деталях реальное

положение дел и бывает отвергнут адресатом (порой столь агрессивно, что это стоит жизни говорящему). Идеально представлено данное положение дел в ситуациях предсказаний Кассандры о гибели Агамемнона, ясновидящего – о судьбе экипажа “Пекода” в романе Дж.Мелвилла “Моби Дик”. Когда предсказанное реализуется “по нотам”, задним умом адресат реагирует на свершившееся: “Говорящий как в воду глядел”.

Все, сказанное выше, позволяет утверждать, что глаза и зрительное восприятие (орган и его функция) – это основа для выражения уверенности.

Но человек, деятельность его мышления, психики, эмоционального, “Я” – явление неустойчивое, противоречивое. Такая беззаветная вера в зрительное восприятие не есть нечто неизменное, константное. Я-субъект вместе с безоглядной верой в непререкаемость достоверности ситуаций, явлений, воспринятых глазом, может выражать и смысловые комплексы из семантической области неуверенности. Обычно это становится заметно в ситуациях наблюдения явлений, идущих вразрез с человеческими представлениями о мире, когда психоментальный и эмоциональный мир человека отказывается признать их реальность, отвергает их существование.

Как отметила интервьюер: “Обычно я верю только тому, что вижу своими глазами; а тут **смотрю и не верю своим глазам**” (Т/к. “Россия”, т/п. “Вести”). Прекрасно фиксирует рассматри-

ваемое положение дел выражение “*Очевидное-невероятное*”.

Приведем примеры: а) [Ситуация: героиня видела своими глазами, как тело убитого коллеги Гутюши полицейские вынесли из квартиры и увезли в морг. И вот через минут пятнадцать Гутюша показывается в дверях.]

“Я усталилась на Гутюшу, даже потрогала.

– **Слушайте, вы уверены, что это Гутюша? И притом живой?**

– **Минут пятнадцать назад вполне осязательно наступил мне на мозоль, так что, по-моему, даже слишком живой – проворчал Тадеуш. А что, по этому поводу есть сомнения?**” (Хмелевская. Тайна).

б) [Семитонной кит заплыл в Темзу, оказался перед парламентом. Реакция очевидца, который звонит в полицию].

“Не знаю, вероятно, у меня галлюцинации, но мне кажется, что я вижу кита недалеко от парламента” (Т/к. “ОРТ”, программа “Время”, 19 янв. 2006).

в) Поток сознания:

[Ника Фандорин сталкивается в яме, где ищет царскую библиотеку, с киллером Шуриком, которого давно “ликвидировали”].

“Кружок света выхватил из темноты рукоятку кирки <...> и что-то странное – белое и полукруглое. Кажется, спортивная туфля, нет, черный кед <...> с белой шнуровкой. Должно быть, из той кучи мусора, которую они перекидали лопатами.

Фандорин повернул фокалтор. <...> Из темноты с бесшумной стремительностью **ночного кошмара** выросла фигура.

<...> Увидев перед собой убитого Шурика, магистр испытал даже не страх, а горчайшее, сокрушительное разочарование. Так он и знал. Все это сон. Обыкновенный сон. <...> Сейчас зазвонит будильник, надо будет вставать, чистить зубы. <...>. Есть и другой вариант, менее приятный <...> Это не сон, сумасшествие. (Б.Акунин. Алтын-толобас).

Как видим, наблюдая конкретное явление в режиме настоящего репортажа, **Я-субъект** отказывается принимать наблюдаемое за реальность, предпочитая в подобных крайне напряженных психоэмоциональных ситуациях воспринимать все как сон, бред и даже сумасшествие.

Есть и много других причин, вызывающих персуазивную ситуацию: ‘Вижу/ наблюдаю своими глазами и не верю своим глазам’. В первую очередь данная ситуация может быть обусловлена философской позицией **Я-субъекта**, его “философски смещенными представлениями”.

Прекрасно фиксирует данный подход к видению реальности знаменитая фраза “А был ли мальчик-то? Может быть, мальчика-то и не было?” (М.Горький. Жизнь Клима Самгина). [На глазах у толпы тонут мальчик и девочка, и потом выражается субъективно-философское обобщение].

Человеческая психика склонна сомневаться в реальности объективного мира. “Можно ли считать, что реалии отражают реальный мир, если этот мир полон парадоксов и зрительных иллюзий?” (Т/к. “Культура”, т/п. “Новости культуры”) /Подробнее: Ламбарджян 2011/.

Укажем еще на одно свойство глаза как персуазивного органа: он участвует в формировании персуазивной мимики: “Ну что ты смотришь на меня глазами, полными сомнения?” (Т/с. “Обручальное кольцо”).

Глаза, скорее трансформация их формы или перемещение, могут выражать крайнюю степень удивления, что персуазивно значимо. Так выражение “Глаза округлились” означает: ‘Я крайне удивлен, не могу поверить в достоверность информации’. Синонимично данному выражению и “Глаза полезли на лоб” (перемещение глаз вверх).

Все рассмотренные случаи свидетельствуют о том, что и зрительное восприятие – “оплот уверенности” – не всегда оправдывает себя в этом качестве.

Глаза принимают участие в формировании коммуникативной агрессии. Так, выражение “А глазки врут” применяется говорящим в ситуациях, когда он пытается получить интересующую его информацию. Это выражение персуазивно можно семантизировать как: ‘Я не доверяю твоей информации, пытаюсь добиться от тебя признания’.

Недоверие к глазам, зрительному каналу восприятия приводит к тому, что в ситуациях непосредственного наблюдения, “настоящего репортажа” говорящий не выражает уверенности. Так, герой А. де Сент-Экзюпери прямо призывает не верить глазам: “Не верь глазам, они врут”. Не верят нередко и словам очевидцев: “Недаром существует выражение: Он врёт, как очевидец” (В.Третьяков. Т/п. “Что делать?”, т/к. “Культура”).

Прекрасно реализован подобный подход в фильме-притче “Расемон”, где одну и ту же реальную ситуацию наблюдает ряд очевидцев, и каждый предлагает свою “достоверную версию”, которые противоречат друг другу.

И абсолютно прав Ж-Б. Мольер, утверждающий (устаами г-жи Парнель): “Нередко видимость обманывает нас: Опасно доверять тому, что видит *глаз*” (Тартюф).

Следует указать и еще на одну частотную ситуацию непосредственного восприятия, когда, тем не менее, невозможно что-либо утверждать, так как есть помехи, мешающие идентификации: [Два бойца стоят в дозоре <...>],

“То ли снится, то ли мнится,

Показалось что невесть?

То ли иней на ресницах,

То ли вправду что-то есть”

(А.Твардовский. Василий Теркин).

Этот обзор персуазивных возможностей *глаза* показывает, что данный орган обладает богатой палитрой. Здесь возможна даже оппозиция: ‘*Верь только тому, что видишь своими глазами*’// ‘*Не верь глазам, они врут*’. И данная оппозиция оправдана тем, что человеческое восприятие действительности, деятельность его сознания, путь познания – все это носит весьма противоречивый характер, содержит много неразрешенных загадок, что позволяет **Я-субъекту** не доверять даже самому достоверному каналу восприятия – зрительному; и поэтому ‘*Каждый видит то, что хочет видеть, а не то, что есть на самом деле*’.

Вышеизложенное подтверждает мысль о том, что **уверен-**

ность – это слабый член оппозиции **уверенность /неуверенность**, т.к. даже в самой сильной ситуации ‘*Вижу / видел все своими глазами*’ есть возможность выразить неуверенность.

Другие органы лица менее активны в формировании и реализации персуазивных намерений **Я-субъекта**. Если условно признать **уши** лицевым органом, то их можно считать “бледной тенью” *глаз*. Можно даже утверждать, что **уши** в русской языковой картине находятся в униженном положении: “*Не верь ушам, а верь глазам*”; “*Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать*”... , то есть здесь наблюдается градация органов “по степени важности”. Только в одной ситуации **уши** становятся персуазивным синонимом *глаз*. Рассмотрим пример:

“Ты что, присутствовал при их разговоре?”

– Дверь была открыта, и я все слышал своими ушами”.

Этим объяснением языковая личность призывает: ‘*Не сомневайся в достоверности информации*’.

Определенным персуазивным потенциалом обладают и другие органы лица.

Нос. Реализует смысловой комплекс из области неуверенности: *Носом/ нюхом чую (чувствую)*. Персуазивный смысловой комплекс можно эксплицировать следующим образом: ‘*Не уверен, предполагаю, так как не обладаю достоверным знанием, но субъективно уверен в соответствии моих представлений реальному положению дел*’.

Данный пример интересен тем, что персуазивность выстраивает в синонимический ряд: *ор-*

ган и функция (в данном случае обоняния).

Губы участвуют в формировании персуазивной мимики.

Например: *“Друзья мои, если я могу чем-либо гордиться, то именно тем, что первый сблизил римскую поэзию с греческой.*

Собин сложил губы в улыбке сомнения.” (В. Брюсов. У мецената).

Челюсть. Выражение с данным компонентом отражает крайнюю степень удивления, недоверия: Челюсть отвисла персуазивно прочитывается следующим образом: ‘У меня была уверенность в определенных представлениях о явлении; предлагаемая информация разрушает мою позицию, что вызывает у меня сильные эмоции’.

Брови. Выражение с данным компонентом также отражает крайнее удивление: Брови полезли вверх/ от удивления. Можно сказать, что челюсть и брови – персуазивные органы-синонимы.

Лоб. Это ассистирующая часть лица: Это место, куда поднимаются глаза при крайнем удивлении Я-субъекта. Глаза полезли на лоб персуазивно синонимично выражениям Челюсть отвисла, Брови полезли вверх.

А выражение У тебя все на лбу написано имеет сложную персуазивную смысловую структуру: ‘Хотя я, говорящий, не обладаю достоверной информацией, но субъективно уверен, что мои представления об оцениваемом соответствуют реальному положению дел’.

Например: “Неужели вы думаете, что я не понимаю, зачем вас сюда принесло. У вас на лбу написано, что вы решили пожи-

виться” (Т. Устинова. Хроника гнусных времен).

Итак, анализ позволяет сделать вывод, что все органы лица обладают персуазивным потенциалом, но самый важный орган здесь – глаза.

Только лицевыми органами не ограничиваются персуазивные возможности головы. Центральный орган в этом ряду – мозг. Хотя данный орган изучается целым рядом наук естественного и гуманитарного блоков, но в понимании его возможностей, функций гораздо больше тайн, чем устоявшихся знаний.

Для данного исследования важно то, что с мозгом связана речемыслительная деятельность человека. Мозг – это орган мышления, сознания, познания.

“Сознание – это высшая форма отражения объективной и субъективной действительности <...> Сознание является субъективной реальностью человека <...>” (Шелякин 2005: 126).

И, в продолжение данной мысли: “Для дискурса естественного языка <...> главным моделирующим оператором является сознание говорящего субъекта” (Борботько 2007:67).

Во всех проявлениях человеческой мыслительной (и речемыслительной, в том числе) деятельности, которые связаны с мозгом, не последнюю роль играет персуазивность – неразложимый сплав психического, эмоционального, речемыслительного. Следовательно, можно считать мозг важным “персуазивным органом”, хотя в стилистических ресурсах русского языка представлен менее частотно, чем, например, глаза.

Конечно, проекции деятельности мозга в персуазивном преломлении следует рассматривать в анализе, посвященном психоэмоциональному и речемыслительному аспектам. Здесь же ограничимся рассмотрением одного примера: “<...> Зыбин лежал и думал. То, о чем говорил Буддо, было совершенно невозможно. Бить тут не могли, как не могли, например, есть человеческое мясо. Орган высшего правосудия, официальная государственная инстанция, где еще жил, обитал дух рыцаря Октября Железного Феликса, – не мог, не мог, никак не мог превратиться в суд пыток. Ведь во всех биографиях Дзержинского рассказывается о том, как он чуть не расстрелял следователя, который не сдержался и ударил подследственного. И ведь когда это было? В годы гражданской войны и белогвардейских заговоров. Эти книжки и сейчас продаются во всех газетных киосках. Нет-нет, как бы плохо о них он ни думал, но бить его не могут. В этом он был уверен”. Здесь представлен персуазивный поток сознания, находящейся в перенапряженном психоэмоциональном, сомнамбулическом состоянии языковой личности: герой арестован и брошен в тюрьму во время сталинских репрессий, и его сокамерник, бывший чекист, предупредил, что будут бить и даже пытаться. Находящийся в горячечном состоянии мозг выдвигает целый ряд непрекаемых аргументов в пользу того, что “этого не может быть, так как этого не может быть никогда”. Но и в состоянии, близком к невменяемости, горячечный мозг, тем не менее,

осознает, что это не так, что, ни о какой уверенности речи быть не может. “Но так думала, так верила только одна логичная, здоровая половина его головы – другой же, безумной и бесконтрольной – он знал так же твердо другое: нет, бьют, и бьют по-страшному! Эта мысль пришла ему в голову, когда он прочел речь обвинителя на одном из московских процессов” (“Разговоры о пытках, – сказал тогда Вышинский, с великолепной легкостью, – сразу же отбросим как несерьезные”) и особенно, конечно, когда увидел страшные показания обвиняемых на самих себя. “<...> то, что обвиняемые наперебой друг перед другом топят сами себя, что свидетелей на эти торжественные, чуть ли не ритуальные заседания приводят и уводят под конвоем, и никаких иных доказательств нет, – все это ему казалось такой нелепостью, таким бредом, что он чувствовал: объяснить можно только одним – бьют. И даже не только бьют, но еще и пытаются. И лучше уж не думать, как пытаются” (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей).

Другая, больная часть мозга с точностью ясновидения, что порой нисходит на человека в сверхкритических ситуациях, не только обрисовала реальное положение дел, но и привела непрекаемые аргументы в пользу достоверности именно данной картины...

Фрагмент из романа Ю. Домбровского зеркально отражает клинику персуазивных перепадов функционирования мозга в пограничных ситуациях. Подобные контексты, думается, могут

раскрыть много тайн не только лингвистики и психолингвистики, но и психологии, в том числе и медицинской, т.к. отражают процессы, происходящие не только в потоке сознания, но и в потоке подсознания.

С точки зрения “Анатомии и патологии персуазивности” данный контекст интересен тем, что делит работу мозга на две половины – здоровую и больную. Первая нацелена на уверенность в невозможности негативных явлений, больная – строит реальную картину. А мозг приобретает “персуазивные” характеристики больная – здоровая половины. При этом здоровая часть становится синонимом надежды, а больная часть – синонимом жуткой реальности.

Итак, голова вся “персуазивна”: в реализации смысловых комплексов из семантических областей уверенности и неуверенности участвуют все ее части и органы – как внешние, так и внутренние.

Теперь спустимся ниже и посмотрим, как участвуют в формировании персуазивных смысловых комплексов другие части тела.

Плечи. Они участвуют в формировании персуазивных жестов, реализующих смысловые комплексы из семантической области неуверенности. Это пожимание плечами; данный жест можно семантизировать как: ‘Не знаю, не могу сказать ничего определенно, не имею определенного мнения’.

Рука. Участвует в формировании персуазивных ситуаций как целиком, так и по частям. Развести руками: одно из прочтений

данного выражения – ‘Не уверен, не могу сказать ничего определенного’.

Руку даю на отсечение. Можно семантизировать, как: ‘Хотя я не обладаю достоверным знанием, но субъективно уверен в том, что предлагаемая мною картина соответствует реальному положению дел’. Хотя абсолютной уверенности нет, и языковой материал отражает это. Приведем пример: [Диалог между олигархом Мещеряковым и его адвокатом Дольским, отправленным на поиски клада]: М.: ‘А вы дадите голову на отсечение, что клад находится в подвале особняка?’

Д.: – *Голову на отсечение не дал бы, а вот руку дам, что клад в подвале особняка. Я это каждой клеточкой чувствую*” (т/с “Ангел-хранитель”).

Отсохни у меня рука (руки). Словарь фразеологических синонимов дает следующее толкование: “Клятвенное заверение в истинности произнесенного, утверждаемого” (Словарь фразеологических синонимов русского языка 1987: 48).

Здесь говорящий вкладывает в свою клятву большую иллокутивную силу, которая направлена на то, чтобы *рассеять, исключить, какие-либо сомнения.*

Палец/ пальцы. Эта часть руки может участвовать в выражении значений из обеих семантических областей: и *уверенности, и неуверенности.*

Знаю, как свои пять пальцев. Это высказывание включает в себе следующий персуазивный заряд: ‘Я абсолютно уверен, так как обладаю достоверным знанием: данная ситуа-

ция мне слишком хорошо известна, знакома’.

Тактильная функция пальцев способствует тому, что рассеиваются сомнения человека, и в его сознании происходит переход от неуверенности к уверенному знанию. Самый яркий пример – из Евангелия, когда Фома-неверующий перестал сомневаться в воскресении Спасителя только после того, как увидел его своими глазами и ощупал раны пальцами.

Приведем еще примеры: а) “Как говорят у меня на родине: не поверю, пока не пощупаю своими пальцами” (Дж.Прескотт. Из выступления на заседании Евросовета).

б) “Но мы получаем сигналы Бог знает от чего: пальцами-то мы не щупаем” (Из высказываний сотрудника Института ядерных исследований Горбунова о расширении галактик. Т/к. “Россия”, т/п. “Очевидное-невероятное”).

Из этих примеров явствует, что пальцы и глаза персуазивно могут дополнять друг друга (Фома-неверующий), или же становятся синонимами (примеры а, б).

Пальцы входят в состав выражений, отражающих ситуации недоверности, неопределенности. Это устойчивые выражения: а) *из пальца высосать*; б) *пальцем в небо* и под. Они имеют много прочтений, и одно из них – персуазивное. Оба эти выражения являются реакцией адресата, причем в случае а) можно эту реакцию семантизировать следующим образом: *‘Уверен, что ты, говорящий, не являешься носителем достоверного знания, и переданная тобой информация – плод твоего воображения – не соот-*

ветствует реальному положению дел’. В выражении б) адресат в своей реакции хочет подчеркнуть крайнюю неопределенность, сомнительность, безосновательность переданной информации.

Туловище. Эта часть тела существенно проигрывает *голове* в персуазивном плане... Но и здесь есть немало реализаторов *уверенности/неуверенности Я-субъекта*.

Спинальный мозг. Выражение *Спинальным мозгом чувствую*, реализует ту же персуазивную информацию, что и нюхом/носом чувствую. Это **предположение**, но не чистое (может, так, а может, нет), а **Я-субъект** субъективно уверен, что *предположение соответствует объективному положению дел*.

Тот же смысловой комплекс передается выражением: *Всем нутром чую*. Согласно С.И.Ожегову, *нутро* – это *внутренности* (Ожегов 1953: 375).

Практически в формировании и реализации персуазивных значений участвуют все внутренности человека.

И здесь (как и в случае *голова – органы головы*) наблюдаются неординарные персуазивные отношения: *нутро* (множество внутренних органов) может быть синонимично одному из органов, формирующих данную часть тела. Приведем пример: *“Нутром чую – тут какая-то тайна, но раскрыть ее я не в силах”* (И.Хмелевская. *Бесконечная шайка*).

Нутром чую персуазивно синонимично *сердцем чую /чувствую*. Например: *Бьется сердечко, стучит, чуёт беду неминуемую* (Астафьев. *Аленький цветочек*).

Или: *сердце подсказывает*. [Ситуация: маньяк убивает младенцев; мать очередной жертвы решила сама выйти на убийцу, часами выжидая его на остановке]. *“И сегодня она направилась к остановке. Но сердце подсказало: маньяк не там. Но где?”* (Т/п. “Следствие вели... с Каневским”).

Клетка. Она тоже способна реализовать персуазивно “всеохватную” информацию (как и выражение: *с головы до пят уверен*). *Всеми клетками чую*

/чувствую, что значит: ‘Хоть я не обладаю достоверным знанием, но субъективно абсолютно уверен в соответствии предполагаемой мною картины мира реальному положению дел’.

Фибра. “*Всеми фибрами чую/ чувствую*”. Данное выражение синонимично предыдущему (*Всеми клетками чую/чувствую*), но охват ограничен, т.к. клетки представляют все тело, весь организм, чего нельзя сказать о фибре. “*Фибра – в анатомии жилка, волокно*” (Ожегов 1953: 787). Ясно, что не все тело состоит из жилок и волокон, в отличие от клетки).

Нижние конечности, ноги. Они тоже являются носителями персуазивного потенциала. Рассмотрим некоторые выражения. *Твердо стоять на ногах*. Одна из переносных (проективных) реализаций – персуазивная, и ее можно семантизировать следующим образом: *‘Я абсолютно уверен в своей позиции, не сомневаюсь в ее достоверности’.*

Терять почву под ногами. Персуазивное прочтение данного выражения следующее: *‘Я не уве-*

рен, Я сомневаюсь, все неустойчиво, зыбко’.

Ноги в персуазивах могут быть представлены и имплицитно. Клятва *“Не сойти мне с места”* подразумевает движение, перемещение с помощью ног. Семантизируется данное выражение следующим образом: *‘И не сомневайся, что предлагаемая мною информация абсолютно достоверна’.*

Подведем некоторые итоги исследования. Это начало пути анализа **Я-физического персуазивного** – очень обширной и многогранной темы.

В формировании **Я-физического персуазивного** участвует все тело человека. Есть выражения, которые передают идею всеохватности: *С головы до пят уверен; Всеми клетками чую /чувствую*. Но в стилистических средствах – персуазивах представлены в основном те, в которых наличествует орган или часть тела: *Голову/руку даю на отсечение; Открой/ Разуй глаза; Знать как свои пять пальцев* и т.д.

Подавляющее большинство персуазивов реализуют сложные смысловые комплексы из семантической области *неуверенности*; область же уверенности представлена слабо, малым количеством ресурсов.

Не все части тела одинаково персуазивно значимы: одни очень активны, обладают богатым и разнообразным потенциалом, другие – нет. Самый насыщенный персуазивный орган – *глаза*. Есть выражения, вектором направленные на уверенность, есть и такие (и их большинство), которые направлены на неуверенность.

Языковая личность градуирует органы на основе персуазивной значимости. Так, *голова* намного важнее, чем *рука*, и если ее дадут на отсечение, то это значит, что субъективная уверенность абсолютная. *Глаза* намного “достовернее” *ушей*. На основе персуазивности выстраиваются очень неожиданные синонимические ряды: *нос/ нюх/ сердце/ спинной мозг/ фибры/ клетка...*

Синонимами могут стать орган и функция: *носом чую/ нюхом чую*. Думается, что анализ убеждает в мысли, что поиски в области **Я-физического персуазивного** могут быть весьма плодотворными: анатомия персуазивности таит в себе еще много загадок.

Исследования могут быть интересны психолингвистам, прагматилистам, лингвокультурологам, психологам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: “Иностранная литература”, 1955.
2. Белошапкова В.А. Современный русский язык. М.: “Высшая школа”, 1981.
3. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса. М.: “КомКнига”, 2007.
4. Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляров В.П. Словарь фразеологических синонимов русского языка. М.: “Русский язык”/ Под ред. В.П.Жукова/, 1987.
5. Ламбарджян С.П. Значения уверенности/неуверенности в разных типах простого предложения в русском языке. АКД, М.: 1981.
6. Ламбарджян С.П. К вопросу об отношениях между концептом “зрение” и модусной категорией персуазивности в повседневном и религиозном дискурсах. Сб.: Лингвистические исследования. Ереван, ЕГУ, 2011.
7. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: “Академия”, 2004.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: “Издательство иностранных и национальных словарей”, 1953.
9. “Русский язык и его история. Программы кафедры русского языка” (Под ред. М.Л. Ремневой). М., МГУ, 1997.
10. Стилистический энциклопедический словарь (под ред. Н.М.Кожинной). М.: “Флинта”, 2003.
11. Философия (Под ред. Кохановского В.П.). Ростов-на-Дону: “Феникс”, 1999.
12. Шелякин М.А. Язык и человек. М.: “Флинта”, 2005.
13. Шмелева Т.В. Смысл и формальная организация двухкомпонентных инфинитивных предложений в русском языке. АКД, М.: “Наука”, 1979.